

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ИТАЛЬЯНСКИХ БИБЛЕИЗМОВ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА
НА АНГЛИЙСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ
(на материале Романа Дино Буццати «Татарская пустыня»)**

На протяжении многовековой истории становления и развития литературы библейские фразеологические единицы (БФЕ) широко использовались мастерами художественного слова. Касаясь темы библеизмов в современном итальянском языке, нельзя не вспомнить о фигуре Дино Буццати, который заявил о себе как о писателе необычном, разностороннем, поражающем многогранностью своего таланта. Его творчество представляло собой синтез деятельности художника, философа и писателя. Произведения Буццати поражают богатством лексики и оригинальной наполненностью различными художественными средствами: эпитеты, аллюзии, сравнения и, безусловно, библейские фразеологические единицы. В романе «Татарская пустыня» мы встречаем большое количество разнообразных символов и библеизмов, что позволяет более детально рассмотреть религиозный уровень прочтения данного произведения.

Говоря о структурно-семантической организации библейских фразеологических единиц в итальянском, английском и русском языках в целом, следует отметить, что не все из них сохранили свою первоначальную, подлинную форму. В ряде случаев они предстают в уже переработанном виде: одни с измененными формами, другие — со значительными сокращениями или добавлениями. Некоторые из них вообще являются настолько искаженными и настолько утратившими свой первоначальный характер, что восстановить первоисточник можно лишь путем глубокого анализа.

С учетом соотношения библейских пословиц, которые встретились при знакомстве с романом «Татарская пустыня» Буццати, с их первоначальной формой, употребленной в тексте Библии, нами было выделено пять основных

классов библейских фразеологических единиц: 1) подлинные, 2) трансформированные, 3) усеченные, 4) сюжетные, 5) контаминированные.

Остановимся подробно на каждом из них.

1. К *подлинным* библейским пословицам относятся такие, которые сохранились точно в такой же форме и содержании в романе, как и их библейские прототипы. Если они и подверглись каким-то изменениям, то совсем незначительного характера. К ним относятся следующие библеизмы: *Prima della rovina viene l'orgoglio / Pride goes before a fall / Гордыня до добра не доведёт* (Pr 16:18); *Chi scava una fossa ci casca dentro / If you dig a pit, you will fall into it / Не рою другому яму, сам в неё упадешь* (Eccl. 10: 8).

Широкое использование данного класса библеизмов в данном романе, а также в литературных произведениях в целом имеет своё объяснение: уже в самом тексте Библии они имеют обобщённый характер денотативного аспекта. Иными словами, имеется в виду не конкретное событие или отношение, а характерные особенности целой серии ситуаций, объединённых в единый тип.

Аргументом, доказывающим, что они уже в самом тексте Библии начинают приобретать статус пословиц, является тот факт, что многие из них, встречаясь в Новом завете, являют собой повторение или развитие ветхозаветных притч.

Иногда одна пословица может встречаться несколько раз как в книгах Ветхого, так и Нового завета. Одна из десяти заповедей Моисея «*Возлюби ближнего твоего*», ставшая впоследствии пословицей, изложена в Ветхом завете: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но *люби ближнего твоего, как самого себя*. Я Господь [Бог ваш]» (Левит 19: 18).

Впоследствии в Новом завете она употребляется в Евангелии от Матфея как своего рода цитата из Ветхого завета, произнесенная Христом: «Почитай отца и мать; и *люби ближнего твоего, как самого себя*» (Матфей 19:19). В дальнейшем это выражение повторяется еще несколько раз в Новом завете.

Таким образом, еще на страницах Библии выражение «*Возлюби ближнего твоего*» приобрело статус пословицы благодаря своей устойчивости, широкой популяризации и многократности употребления.

2. *Трансформированными* являются библеизмы, подвергнутые некоторым изменениям как структурного, так и семантического плана. Трансформированные библейские фразеологические единицы составляют в романе подавляющее большинство.

К примеру, в тексте романа мы встречаем следующее выражение «*L'uomo continuava a vivere spensierato...siccome la mano sinistra di Drogo non sapeva niente della destra...*» [1, с. 54], которое является результатом видоизменения следующего библейского выражения: *La mano sinistra non sappia quell che fa la destra / The left hand does not know what the right hand does / Левая рука не ведаёт, что творит правая*.

В то же время данный библеизм, являясь трансформированным, представляет собой пословицу, в которой оценочные коннотации в библейском

тексте и в современном употреблении не совпадают. Пословица «*Левая рука не ведает, что творит правая*» в современном языке употребляется с отрицательной оценочностью, что отличает её от библейской: «Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. *У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно*» (Матфей 6: 2–6: 4).

В Библии оборот употребляется в положительном смысле. В современном итальянском, английском и русском языках данное выражение модернизировалось, архаичные формы были отброшены, полученная новая переосмысленная пословица носит ярко выраженный отрицательный характер. В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» дается следующее толкование данной пословицы: «Обычно употребляется иронически — по поводу неразберихи в работе госаппарата, учреждения, когда их бюрократические звенья принимают противоречащие друг другу решения, дают противоположные по смыслу указания» [4, с. 587].

3. Следующую группу составляют *усечённые* пословицы, т.е. те, которые в силу того, что в их составе содержится большое количество компонентов, сложных для полного воспроизведения, подверглись сокращению. Чаще всего усекается вторая часть пословицы. В результате этого образовавшаяся библейская фразеологическая единица становится более выразительной в стилистическом отношении и удобной с точки зрения использования.

Обратимся к известной библейской пословице, которую мы встречаем на страницах романа «Татарская пустыня»: *C'è il suo tempo per ogni cosa / There is a time for all things*, что в переводе означает *Всему своё время* («Finalmente Drogo riuscì a capire che per ogni sua osservazione, ogni piccolezza e particolarità, ogni speranza e aspettanza c'era il suo tempo nella sua vita» [1, с. 72]). Её библейский прототип имеет следующую форму: «Всему свое время, и всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать... время разбрасывать камни, и время собирать камни... время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» (Еккл. 3: 1-2, 5, 7-8).

В рассматриваемые нами языки (итальянский, английский и русский) данная пословица вошла в усеченном варианте: вторая часть подверглась усечению, поскольку не несла в себе какой-либо существенной информации, а выступала в качестве своеобразного пояснения к первой части, которая, в своё время, приобрела статус пословицы.

4. В качестве следующей группы выступают *сюжетные* библейские фразеологические единицы. К ним мы относим такие выражения, которые в целом никак не связаны с текстом Библии своей материальной формой, а возникли на основе какого-либо библейского сюжета или же как вывод-обобщение, резюмирующий ту или иную библейскую ситуацию или выражение.

При образовании пословиц на основе библейских сюжетов и притч мы можем наблюдать такое явление, как «сгущение мысли», в результате чего образуется устойчивый словесный комплекс. Таким образом, мы наблюдаем процесс перехода одних «словесных произведений, обладающих внутренней формой, в другие, более краткие, семантически краткие речения» [3, с. 85]. Иными словами, образовавшаяся единица представляет собой не осколочное изречение: она сгущает в себе весь образ, всё содержание библейского сюжета, выступая сосредоточением большого количества отдельных мыслей, а образ, заложенный в её основу, становится сказательным.

На страницах романа Буццати мы встречаем известную пословицу: *Frutto proibito e piu saporito / The forbidden fruit is sweetest / Запретный плод сладок* («Questo sgradevole pensiero che maturava in lui come il frutto proibito ma così saporito fu breve, adesso la maggiore preoccupazione era l'idea della guerra» [1, с. 81]). В самом тексте Библии данная пословица отсутствует, более того там даже нет ни одного компонента этой пословицы. Она возникла на основе библейского мифа о древе познания добра и зла, плоды которого вкусили Адам и Ева. Образовавшаяся пословица возникла в качестве вывода, своеобразной морали из данного библейского мифа, резюмируя наилучшим образом его основную идею, концентрируя в себе содержание целого сюжета в результате своеобразной эссенциализации, компрессии образа.

5. Заключительную группу составляют *контаминированные* пословичные библеизмы. Под контаминацией (от лат. *contaminatio* — соприкосновение, смешение) в данном аспекте мы понимаем взаимодействие близких по значению или звучанию языковых единиц (в нашем случае библейских фразеологических единиц) на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к возникновению новых единиц или к развиту у одной из исходных единиц нового значения.

Рассмотрим процесс образования пословицы *Кто не работает, тот не ест*. В Ветхом завете мы встречаем выражение, представляющее собой лишь глухой намек на будущую пословицу: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Бытие 3: 19).

В Новом завете эта же мысль выражена в несколько иной форме: «Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2-е Фессалоникийцам 3: 10)

Как видно из приведенных примеров, образовавшаяся пословица не соотносится напрямую с какой-либо цитатой. Она — результат контаминации ветхозаветной и новозаветной цитат.

Итак, анализ библейских фразеологических единиц показывает, что большинство пословиц претерпело существенные изменения как в контексте романа «Татарская пустыня», так и в рассматриваемых языках в целом. Проведенное исследование структурно-семантической организации библейских фразеологических единиц показывает, что библеизмы органично вплетаются в канву романа (как на языке оригинала, так и в переводе на русский и ан-

глийский язык), а также служат для реализации конкретных идейно-художественных задач, отражая мировоззрение писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буццати, Д. Татарская пустыня / Предисл. Х.Л. Борхеса // Пер. с итал. Ф.М. Двин. — СПб., 1999.
2. Жельвис, В.И. Уроки Библии: заметки психолингвиста // Языковая личность: культурные концепты. — Волгоград, 1996. — С. 201-204.
3. Потебня, А.А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка / Теоретическая поэтика. — М., 1990.
4. Солодухо, Э.М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп). — Казань, 1982.
5. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Авт.-сост. В. Серов. — 2-е изд. — М., 2005.
6. Mazzali, E. Introduzione all'edizione scolastica del "Deserto dei Tartari" e di dodici racconti. — Milano: Mondadori, 1966. — P. 5-17.